

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ ИГРЫ

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН *Н. Д. Арутюнова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИНДРИК»

Москва 2006

СЛОВЕСНАЯ ИГРА КАК ТВОРЧЕСТВО
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ПИСЕМ ВЯЧ. ИВАНОВА К О. ШОР)

Жизнь и творчество у поэта-символиста не противопоставлены. Отношение к жизни как онтологической реальности предопределяет онтологические корни игрового начала в ней, которое не противопоставлено деловому общению, серьезности «больших тем». О словесной игре, хитроумной и причудливой игре ума, сочетающей серьезность и «веселое ремесло», о «соразмеренном равновесии» обоих начал в некоторых стихотворениях Иванова, поэме «Младенчество», в «Повести о Светомире Царевиче» писал С. С. Аверинцев, особенно выделяя «Повесть» с ее словесной игрой *par excellence* [Аверинцев 2002: 31, 35, 37]. В последний, римский период жизни и творчества Иванова для его языковой игры и мифотворчества особенно характерно тяготение к юмору. Словесной игрой и шуткой проникнуто бытие поэта, жизнь в семье, отношения с друзьями, его мировосприятие в целом. Будучи важной составляющей экзотического пространства автора (в понимании В. Н. Топорова), словесная игра, шутка отражаются и в его текстах. Текстам эпистолярного жанра в этом отношении принадлежит особая роль: они более непосредственно отражают бытие поэта, чем сочинения другого жанра, и одновременно включают многое из того, что принадлежит собственно творчеству.

В данной работе будут рассмотрены некоторые формы словесной игры как творчества в письмах Вяч. Иванова к О. А. Шор — его сотруднице, близкому другу, биографу, издателю его сочинений. Из обширной переписки Иванова к Шор, опубликованной несколько лет назад в «Русско-итальянском архиве III» [РИА], здесь будут привлечены лишь письма за 1928–1932 гг., в которых ярко отразилась языковая игра и мифотворчество автора¹. Автор предисловия к переписке А. А. Кондюрина подчеркивает, что письма Вяч. Иванова позволяют наблюдать за живым процессом ми-

---

¹ Переписка охватывает целое десятилетие: 1924–1934 гг. Ее публикация была подготовлена при непосредственном участии сына поэта Д. В. Иванова. Авторы примечаний к письмам: за 1924–1927 гг. А. Б. Шишкин, 1928–1931 гг. А. А. Кондюрина, 1932–1934 гг. Д. Рицци.

фотворчества и что они суть словесное творчество. По письмам Иванова — в переписке именно ему принадлежит творчески-инициативная роль — можно судить также о его юморе, важной составляющей мировосприятия поэта-символиста и блестящего ученого-классика [РИА: 159–161].

Игровое начало, мифологизм в римский период жизни семьи Ивановых — и это следует подчеркнуть особо — наиболее полно выражалось дочерью поэта, Лидией [Иванов 1987/4: 711; РИА: 155]². В игру были вовлечены все члены семьи, ближайшие друзья и даже квартирная хозяйка синьора Плачидо, ласково дававшая прозвища Диме, сыну поэта [Иванова 1992: 136]. Принимая прозвища, изобретенные Лидией, включаясь в создаваемый ею мифический мир, Вячеслав Иванов создает свою мифологию и генеалогию имен.

Переписка Иванова с Шор, начиная с 1927 г., когда Шор, покинув Россию, поселилась в Риме, а Вяч. Иванов был приглашен в павийский Колледжио Барромео, таким образом, отражает атмосферу жизни в семье: словесную игру с прозвищами и другими характерными словами-неологизмами, яркой образностью и мифотворчеством, за которыми всегда стоит острота восприятия «внутренней формы» не только русского слова, но также древнегреческого и латинского, итальянского, французского, немецкого, английского. Словесная игра в переписке Иванова — Шор обусловлена также глубокой духовной и душевной связанностью корреспондентов, их «апантетизмом», т. е. желанием постигнуть творчество собеседника и совместным творчеством³, деловым сотрудничеством и кругом дружеских связей. Инициатива в сло-

---

² «Лидии было дано окружающий мир переносить в свой, мифический, где все оживало и веселело: самые смиренные предметы домашнего обихода — чайник, кастрюля, чашка — получили дар слова, являли перед изумленным и радостно позабавленным собеседником свою энтелехию, свою внутреннюю природу. Особые взаимоотношения были у Лидии с животными. Коты — постоянный семейный тотем — играли важную роль...» — так пишут издатели брюссельского собрания сочинений Вяч. Иванова о Л. Ивановой [Иванов 1987/4: 711–712]. Официальным органом пародийного и фантастического мира Л. Ивановой была домашняя газета «Пуля времен».

³ Д. В. Иванов соотносил «апантетизм» с соборностью, радикальное начало которой — «ты еси», «я есмь», «мы связаны, так как вместе укоренены в абсолютном существе, которое есть Бог» [РИА: 266, примеч. 7]. А. А. Кондюрина подчеркивает, что *апантетизм* подразумевает не только духовное, но и душевное родство [Там же: 159].

весной творческой игре принадлежит в этой переписке все же Вячеславу, или *Айлуросу*, как он себя сам называл по-гречески — в соответствии с данным ему семейным прозвищем *Кот*.

Языковое творчество и мифологизм в письмах Иванова прежде всего связаны с именами собственными. Это большей частью прозвища, выступающие то как имя собственное, то как апеллатив. Особый интерес представляют контексты, где прозвища употребляются на границе имени собственного и апеллатива — черта, отличающая архаичный класс текстов [Топоров 2005а: 374]. Адресат писем Иванова — О. А. Шор — именуется по-разному, как и сам автор, их близкие, друзья. Выбор имени-прозвища обусловлен актуальными для именующего и именуемого темами и смыслами, многоязычием и укорененностью в культуре как совокупности и органическому единству различных культурных традиций. Разнообразие и тождество имен, относящихся к одному лицу, служат языковой игре, в которой определяющая роль принадлежит контексту, минимальному или более обширному.

Изобретая имя, создавая вокруг имени новый контекст, «наращивающий» его смыслы, Иванов ведет своеобразную этимологическую игру, «раскрепощающую» смысловые потенции «до тех пор „связанного“ слова» [Топоров 2005а: 45].

В письмах Иванова, начиная с 1927 г.⁴, О. Шор именуется то как *Фламинго*, то как *Родоптерос*/*Ῥόδοπτερος* — ‘розовокрылатый’. Прозвище *Фламинго* (исп. [flamenco]; ‘водяная птица с нежно-розовым оперением и с очень длинной шеей и ногами’ [СУ IV: 1089]) было придумано Лидией Ивановой и синтезировало физический (сходство с птицей) и духовный («розовость» и окрыленность) облик Шор [РИА: 268]. Прозвище *Родоптерос* придумано Ивановым. Оно создано как бы на границе разных языков. *Ῥόδοπτερος* — грецизм, хотя в словарях греческого языка оно не отмечено [Др-гр-РС: 1455]. Это доказывается продуктивностью данной словообразовательной модели в греческом, корнесловном составе, графическим обликом слова. Слов с *ῥοδο-*, в том числе составных, в греческом много: *ῥοδο-σάκτυλος* ‘розоперстая, эп. зари’, ‘с розовыми пальцами’, *ῥοδο-δάφνη* ‘розовый лавр’, *ῥοδο-ειδής* ‘розовоподобный’, *ῥοδό-πτηχος* ‘с розовыми руками’, *ῥοδο-μᾶλον* ‘розовая, как яблоко,

⁴ Первое письмо этой обширной переписки датировано 16 августа 1924 г. С 1927 г. начинается «итальянский» период и в жизни О. Шор, и в ее переписке с Ивановым. В письме Иванова от 07.12.27 получил отражение факт «имянаречения» Шор, см.: «Очень рад, что Ваша метаморфоза во Фламинго признана державами».

щека', Ροδῶπις 'Румянолицая' (фракийская гетера, отождествляемая с египетской царицей Нитокрисой) и т. д. Второй корень -πτερος употребляется в греческом то как свободный — πτερόεις 'крылатый, оперенный' (πτερόν 'перо'), то в составе сложных слов типа: πτερο-ποίχιλος 'с пестрым оперением', φοινικό-πτερος 'багрянокрыл' [Др-гр-РС: 1455, 1436–1437, 1740].

Одно из писем Иванова содержит мифопоэтическую этимологию имени Фламинго, включающую ссылки на ῥόδοπτερος и φοινικόπτερος, но в их латинском варианте. «Дорогой Фламинго, Вы не rhodopteros только, а еще и phoenicopteros. И это есть Ваше официальное [так у В. И. — А. Г.], так сказать — служебное обозначение в орнитологии. Что значит: „пурпурно-крылый“. И напоминает птицу Феникса („пурпурного“), коего моя интуиция давным-давно признала Вашим родным братом» (11.01.29) (курсив мой. — А. Г.). Для этой этимологии характерны две логические операции: тождества и дифференциации — см. конструкцию: *не только... а еще и...* Апеллятивы: rhodópteros и phoenicopterus определяют и проясняют здесь круг смыслов основного и периферийного прозвищ Шор (Фламинго и Феникс). В конце употреблена русская калька первого: «До свидания, *Розовокрылый!*...»

Общими для *Родоптерос* и *Фламинго*, как это следует из приведенного выше авторского контекста, являются два признака: 1) 'розовый' и 2) 'относящийся к птицам'. Признак 'розовости' в *Родоптерос* представлен его первым корнем. Семантическая связь ῥόδο- и phoenico- из phoenicopterus определяется их общим цветовым признаком, в каждом из имен выраженным с разной степенью интенсивности. Второй корень, за исключением незначительных фонетических различий, совпадает буквально: ῥόδο-πτερος — phoenicopterus ('крылатый', '-крылый'). Связь Ρόδοπτερος и латинского обозначения Фламинго поддерживается итал. *fenicóttero*, соответствующего лат. *phoenicopterus*, греч. φοινικόπτερος [GDI, V: 814].

Латинское и итальянское обозначения Фламинго актуализируют его внутреннюю смысловую связь с Фениксом, так как включают обозначающее его имя в свой состав. Итог этимологическим разысканиям прозвищ в шуточной форме автор подводит в одном из следующих писем: «„Нет ничего тайного“», как говорит Писание, о Rhodopteros, „что не сделалось бы явным“, а затем добавляет: «Может быть, мифологическому Фениксу и соответствовал конкретный — фламинго» (13.01.29).

В игру именами и их смыслами, которая ведется на границе различных языков индоевропейской семьи, вовлекаются египетские иероглифы. К этому располагал интерес Шор к Египту и египет-

ское происхождение фламинго. Правда, *фламинго*, как сообщает Иванов в письме от 11.01.29, в иероглифических словарях, как и в Библии, нет. Но уже в следующем письме он пишет, что «есть в иероглифах водяная птица с обозначением «красный»: подозреваю пурпурнокрылого» (12.01.29). В письме от 13.01.29 Иванов сообщает о разысканиях в этом направлении Don Nascimbene⁵, установившего, что «иероглиф фламинго следующий <иероглиф>, значит он 'красный, пурпурный'», а птица в конце указывает, «что дело идет о *phoenicopteros*, или самом Фениксе». На полях напротив иероглифа автор письма дает транскрипцию [дшр] — именно эти три консонанта входят в состав взятого впоследствии Шор псевдонима *Дешарт*. В таком и подобном ему обращении автора к фактам языка другой семьи, позволяющим сделать, или уточнить, или расширить семантическую реконструкцию имени, проявляется характерная черта мифопоэтической этимологии: ее ориентация на суть [Топоров 2005б: 52].

Игра этимологическими смыслами, акцентирующими происхождение фламинго и интерес Шор-Фламинго к Египту, продолжается на уровне контекстов, ср.: «священного *Египта* розокрылая божественная птица», «*египетская* птица», «*египетское* побережье».

Именования Шор как *Фламинго* и *Родоптерос* (латинский вариант второго из имен в письмах преобладает) — и соперничают друг с другом, и заменяют друг друга, и могут употребляться подряд, выступая то как имя собственное, то как апеллатив. См.: «Дорогой *Фламинго*, Вы не *rhodópteros* только...»; «Фламинго, *Rhodópteros*, как я смею становиться „между Вами и Памятью“?» В первом апеллатив воспринимается как слово, комментирующее имя, его смысл; во втором более прозрачное в этимологическом плане *Rhodópteros* проясняет смыслы *Фламинго*.

Приведенные контексты иллюстрируют ход развития имени в языке, который, по В. Н. Топорову, можно было бы понимать как процесс своего рода бифуркации: «...с одной стороны, нечто оплотняется в слово, в апеллатив, с другой, из общей массы выкристаллизовывается имя собственное. В первом случае смысл на виду, во втором он как бы уходит во тьму, в тайну, которые как раз и хранят презумпцию осмысленности и надежду на ее реализацию — на открытие скрытого смысла» [Топоров 2005а: 373–374].

Оба имени: *Фламинго* и *Rhodópteros* — располагают к словесной игре-творчеству не только на уровне ближайших, но и более

⁵ Ринальдо Нашимбене — епископ, ректор Collegio с 1928 по 1939 г., известный гебраист [Иванова 1992: 418; РИА: 331].

обширных контекстов. Торжественно-патетический номинативно-характеризующий ряд: «священного Египта розокрылая божественная птица» — относится к *Фламинго*. *Родоптерос* определяется в одном из писем как «крылатое существо сверхприродного происхождения» и «очень совершенное существо». *Фламинго* автор называет «божественной птицей», «чудесным существом», «чудесным созданием», «волшебным» и «фантастическим». «Божественным», а не только «совершенным» именуется и *Родоптерос*. Особый статус *Фламинго* проявляется в сравнении с *Фениксом*: «Высокий, или — по совмещению в своем таинственном существе начала пророческого и художественного начала — „возвышенный“ родич Феникса, Фламинго» (16.03.28).

Птичье происхождение *Фламинго* и *Rhodópteros* (как и *Феникса*) позволяет автору использовать замещающее их или же имя Ольга родовое название «птица» в форме апеллятива или имени собственного. Ср.: «формула отношения к *птице* максимальная», «я устремлюсь к египетской *птице* в теплые края», «на предмет ожердения *птицы*», «Высокопочтенная Птица», «Пушите, Птица Александровна». Встречается в письмах уменьшительная форма от апеллятива: «Вас, бедненькую *птичку*, так расстроили...» В латинском варианте этого родового имени — *Alma Avis* ('Благородная Птица') оказывается значимым компонент 'предвещать', 'знаменовать' [Дворецкий 1986: 96], акцентирующий в именуемой свойственный ей дар предсказания.

Как у птицы, у Фламинго есть крылья или крылышки (розовые), птичий гребешок, перо, ср.: «Фламинго, крылатый...», «Не трепыхайтесь *крылышками* розовыми попусту». Ей свойственна пушистость, она летает, но может и сидеть на жердочке, стоять, поднимая ножку, издавать звуки, в том числе курлыкать. Контексты, развивающие птичью образность и символику, отличаются высокой степенью неопределенности: в рассказе о птице просвечивает «человеческое», в образе адресата-человека проявляются свойства птицы. Например: «*Пушите*, любезная птица. <...> *Пушите* же, Птица Александровна Дешарт, *пушите*», «И при этом Вы еще способны писать, без малейшего ропота, веселые розовые *пушистые* строки».

Элемент игры вносят в употребление имени его грамматические варианты. Господствует в переписке форма мужского рода: *Дорогой Фламинго*, — но встречается и форма женского: *Дорогая Фламинга*, *дорогая Фламинго*. Несклоняемое в языке литературном, это имя склоняется Ивановым, см.: «внутренно же терзаемый упреками совести за слишком нетерпеливо поспешную вы-

писку *Фламинги в Рим...*», — что должен был принять даже назидательно-строгий в этом отношении Ф. Зелинский (ср.: «Если Вячеслав Иванов склоняет слово „фламинго“, значит оно должно склоняться» [Иванова 1992: 191]). Один раз Иванов употребляет разговорно-упрощенный вариант имени Фламинго — *Флом*, как часто себя именовала сама Шор в письмах (см. ее письмо от 29.08.30: «И *Флом* попал к самому началу кардинальской службы»).

Созданное автором имя *Родоптерос* и стоящий за ним образ розового и крылатого существа птичьего происхождения⁶, кажется, больше связано с микрокосмом поэта, его внутренним миром, см.: «*Rhodopteros* моего сердца, т. е. крылатое существо сверхприродного происхождения, озаряющее розовым сиянием мое сердце!», «о *Родоптерос* души моей». Вместе с тем у *Родоптерос* также обнаруживаются свойства, связанные с его конкретно-бытовым образным планом: как птицы и как человека. Например: «Итак, Вы (*Rhodopteros*. — А. Г.) существо, правда, полное совершенств, но Ваша *роковая привычка умолчания...*», «*Rhodopteros* еще и *сердится* Сам два раза *крякнул*», «*Rhodopteros!* Нельзя быть такой *неотзывчивой* птицей и так *упрямо прятать* голову под крылышко...»

Rhodopteros в письме Иванова от 13.05.28 входит в состав поэтических и этикетных формул на греческом и латыни, см.: *Hírês Aiguptíou rhodópteros ámbrotos órnis // Ἡρῆς Αἰγυπτίου ῥόδοπτερος ἄμβροτος ὄρνις*. В русском варианте, следующим далее за первыми двумя, использована его калька, см.: Священного Египта *розокрылая* божественная птица.

Участие имен-прозвищ в словесной и мифопоэтической игре не исключает их употребления в сфере официально-деловой. Произношение иероглифа «фламинго» дало главный псевдоним О. Шор — *Дешарт*⁷. Предложенное Шор на эту роль *Rhodopteros*⁸

⁶ *Родоптерос* — ‘розовокрылый’ переписки, по мнению А. А. Кондюриной, «есть некая мифологическая птица вообще, и отсюда возможность для нее в каждом конкретном случае выступать в новом обличье» [РИА: 161]. Представляется, однако, более важным то, что прозвище *Родоптерос* с заключенной в нем «внутренней формой» указывает на: а) птичье происхождение, б) розовость, в) крылатость, г) волшебность — и в этих смыслах оно близко к «фламинго» и стоящему за ним мифопоэтическому образу. Ср. контексты, где *Фламинго* определяется как «*оное волшебное*» (12.03.28) и как «*крылатый друг*» (30.04.28).

⁷ Все 4 тома брюссельского собрания сочинений Вяч. Иванова выходят под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт, с Введением и примечаниями О. Дешарт.

⁸ Шор привлекает в *Rhodopteros* то, что оно «эзотерически очень ласкательное и никому не понятно».

Иванов в одном из сентябрьских писем 1930 г. отвергает, воспринимая его в этой роли «кокетливым» и «фантастичным», и отдает предпочтение *Фламинго* в варианте *O. F.* или *Olga Flamingo*.

Часто замещают *Фламинго* и *Rhodopteros*: русская калька последнего — *Розокрылый* или *Розовокрылый*, один из корнесловов этого составного имени — *Розовый* или *крылатый* (друг), калька *rhoenopterus* — *Пурпуровокрылый*, общее родовое название — *Птица*. Ср.: «Приветствую *Розокрылого*» и «любимец *розовый*», «казначей египетского *розокрылого*», «*Фламинго* воздушно-розовый», «*Птица* Вы поднебесная», «любезная *птица*».

Корнеслов *роз-* в составе русской кальки *Rhodopteros* — *Розовокрылый* или *Розовый* или в функции определяющего слова употребляется в письмах регулярно и довольно часто. Он всегда оказывается символически нагруженным⁹ и эстетически отмеченным. См.: священного Египта *розокрылая* божественная птица, *розово* светлейший *Фламинго*, любимец *розовый*, *розовое* облачко Ваших крыльев, сделала *розовым* оперенье.

Все три прозвища *Шор*: *Фламинго*, *Птица*, *Rhodopteros*, — в контекстах может сопровождать корнеслов *зар-*, связанный с *розовый* семантически и поэтической традицией (ср. в русском «розовая заря», в греч. ῥόδο-δάκτυλος 'розоперстая', гомер. эпитет *зари* и прозвище *Ганимеда*). Ср.: «Душка, *Фламинго*, Вы самая *озаренная* из всех мифологических птиц! Ваша синастеза с Солнцем сделала *розовым* оперение Ваших божественных крыльев!» Как семантически связанные эти корнесловы выступают в контексте, отражающем христианский гнозис: «Христос воскресе, *Алма Avis!* Мне кажется, Вы помните *зарю* Третьего дня, когда пролетали мимо гробницы с отваленным камнем, и тогда у Вас прибавилось три *розовых* перушка на грудке, у сердца». Совместное употребление *роз-* и *зар-* в контекстах с *Фламинго* актуализируется в одном мифопоэтическом авторском фрагменте, написанном по-немецки: *Schöner Liebling der Morgenröthe, rosig schimmerndes Wunder des blauen Himmels...* («Чудесный любимец утренней *зари*, *розовым* отливающее чудо голубого неба») (01.06.28), где нем. *rosig* означает 'розовый, свежий, алый, как роза', перен. 'розовый', а *röte/Röte* — 'краснота', 'румянец', 'зареве', 'радость' [Н-РС: 693].

⁹ См. в комментариях к переписке: «Розовый — это градация красного, но смягченная, можно думать, что это женская ипостась красного цвета. Розово-красный *Фламинго* связывается с зарей, солнцем и огнем, что делает возможным переход к новому представлению о божественной солнечной *Птице* и к пурпурному фениксу. Для гностиков розовый — цвет воскресения...» [РИА: 269].

Символика розового цвета и фонетика имени *Rhodopteros* обуславливают появление при Фламинго устойчивого эпитета или предиката *радостный* (ср.: лат. *R-dopt-ros* и русское: *p-дост'*): «Фламинго *радостный*, получил я вчера два изящнейших томика...» (10.02.23); «Милый, *радостный* Фламинго!» (23.01.28), «Будьте *радостной*» (23.01.29).

Начиная с 1928 г. Иванов часто подписывает письма взятым из греческого языка прозвищем *Айлурос*, или *Αἰλουρος*¹⁰, ион. *αἰλουρος* — кот, кошка [Др-гр-РС: 50]. Это имя регулярно выступает в составе формулы, которой заканчиваются письма: «Апантетически Ваш *Αἰλουρος*» / «Ваш апантетически *Αἰλουρος*». Игровой и шутливый характер формулы с прозвищем проявляется на фоне «Апантетически Ваш В. И.». Этикетная формула с этим именем может включать латинское *idem* ('всегда') — в этом случае она звучит более книжно и подчеркнуто-ритуально, ср.: «Апантетически Ваш *idem Αἰλουρος*». В варианте: «Апантетически Фламингов *Αἰλουρος*» она приобретает интимно-разговорную окрашенность. В немецкоязычном фрагменте одного из писем, обращенного к «<einen Flamingo>», встречается сочетание «ein prometheischer *Ailuros*», т. е. «Прометеев *Айлурос*» (01.06.28). Адъектив от собственного имени мифологического происхождения, связанного с философской традицией, усиливает в этом сочетании мифологическую перспективу и философское звучание прозвища.

Прозвище *Айлурос* снимает ограничения на проявления пишущим чувств, эмоциональных реакций по типу «айлурических», т. е. «кошачьих». Так, короткое послание Иванова Шор от 25.06.29 начинается с фр. «Grande alarme!» 'Большая тревога!', включает и другие знаки взволнованности автора: «Ради Бога, что должен я делать <...>? Не забывайте, что я проделываю эту музыку в первый раз <...>. И вы меня оставляете без директив и обучения!..» Подписывает это письмо: «*Всклокоченный Айлурос*», где разг. *всклокоченный* ('о волосах, шерсти: привести в беспорядок, спутать, взлохматить' [Ожегов, Шведова 1992: 104]) выражает эмоциональность высшей степени, общую для человека и животных и проявляющуюся внешне.

Письмо от 24 мая 1929 г. подписано автором лаконично и просто: *Айлурос*. Простая подпись включает сложный в смысловом,

¹⁰ Позднегреческое, употреблялось в Египте — еще одна линия связи с Фламинго. В церковнославянских и русских контекстах встречается в варианте «елур», в том числе и в «Повести о Светомире» Вяч. Иванова — «великого елуруфила», по выражению С. С. Аверинцева [Аверинцев 2002: 42].

логическом и стилистическом отношении контекст. Именно он оказывается полем творческой словесной игры, в центре которой стоит имя. Предшествует имени в составе упомянутой подписи рассуждение автора о *черепашистости* (здесь — медлительности) Ликота в сочинении концертов, после которого Ликот сравнивается с черепахой в плане музыкальном: «...ибо черепаха, из щита коей Гермес построил первую лиру, для древних была символом мелоса и музыкальных искусств». После подписи *Айлурос* следует на итальянском титул Иванова, как он приводится в «Университетском ежегоднике»: *Professore incaricato nella R<egia> Università di Pavia...* («ординарный профессор Королевского Павийского университета»). Как можно видеть, основной принцип построения контекста — логический, смысловой и стилистический контраст.

Прозвищем *Айлурос* Иванов начинает письмо от 18.03.29: «*Айлурос* растроганно благодарит son confère égyptien за телеграфный розовый пух...», сразу включаясь в семейную мифологическую игру. Такое употребление объективирует «я» автора¹¹ и позволяет далее более свободно вести игру. Заканчивается письмо в том же ключе, а подписывает его автор *Chief-cat*¹², придуманном другом семьи и соредктором журнала «Corona» Г. Штейнером.

В одном из писем 1929 г. Иванов пишет о том, что «египетский паспорт *Айлуроса* в полном порядке», имея в виду наличие иероглифа, обозначающего 'кот'. Там же предлагается его произношение mjw (т. е. мяу), а затем производится анализ составляющих его знаков: «Первый знак <иероглиф> есть звук m. Второй (перо) <иероглиф> есть звук j. Птица — w. Четвертый знак <иероглиф> означает животное млекопитающее или carnivore (фр. 'питающееся мясом' [РИА: 345], 'плотоядный' [Ф-РС: 133])». Этимологическое разыскание приводит автора к заключению, что в состав *айлурического иероглифа* интегрально входит птица, и этот факт сначала осмысливается философски: иероглиф есть «прообраз нашего апантетизма», а затем в шутливо-бытовом ключе: «кот съел ученую птицу и стал ученым котом». Это письмо и ряд других писем

¹¹ Или показывает мифологическую родословную именуемого.

¹² В пер. с англ. 'главный кот'. Существовал и итальянский вариант этого прозвища — Gatto. Шор иногда называет Иванова *айлурический проф. fon-Puffy* [РИА: 339], а также *Пуфенька* — от нем. ruffen '1. давать тумака, 2. произвести звук, 3. взбивать (волосы)' или — от лат. Pūthia 'Пифия, жрица Аполлона, изрекавшая предсказания в дельфийском храме'. В письмах Шор встречаются сочетания: *айлурические лапки, айлурическая буря*.

Иванов подписывает: <Иероглиф «кот»>. Обычно это письма, содержащие и другие знаки «кошачести».

Встречаются в переписке немногочисленные производные от *Айлурос*: адъектив *айлурический* и наречная форма *айлурически*. Творческий потенциал этих новообразований ярко проявляется в их сочетаемости со словами, относящимися к сфере человеческого бытия, ср.: «Какое египетской птице, в холоду да в хаосе, сидеть на единственной свободной жердочке среди *айлурического* потопа вещей, нахлынувших в его комнату!» , «самый *айлурический* и нежно-дидаскалический привет»¹³, «персональная *айлурическая* пенсия». Этот адъектив Иванов употребляет и в немецкоязычном варианте в составе мифопоэтического текста на немецком, см.: *meine seligen ailurischen Urahn* (01.06.28), т. е. «мои блаженные *айлурические* предки».

С *Айлуросом* связано свойство пушистости. Ср.: «Все же есть, и на случай отказа в пенсии, Вами явно предвидимого, некоторая *point de repère* — я чувствую себя в самом деле „*распушистившимся*“»; «*пушистым* же при получении Вашего письма я, как Вы угадали, не был» (22.11.28). Он, вместе с другими «котами», *наурчивает* адресату «всяких любезностей» (06.09.33).

Кот/коты и *Птица* семьи Иванова часто жили в разных городах Италии. Это было связано с невозможностью получить работу в одном городе и быть вместе. По этому поводу в одном из писем Иванов пишет так: «ловить каждому — будь он *птица* или *кот* — рыбу, где рыба клюет», а затем добавляет: «Для объединения же *котоптичьего* семейства ограничиться съездами и временными гостинами» (14.12.34)¹⁴.

Прозвище *Тиран*, итал. «*tiranno*», было дано пригласившему Вяч. Иванова в Колледжио Борромео Дон Леопольдо Рибольди Лидией. О мотивах этого именованья она пишет следующее: «Его (о. Рибольди. — А. Г.) благородный облик и властолюбивый нрав, соединенный с окружающей аристократической красотой Колледжио, навел меня на образ утонченного древнего тирана. Позже, когда мы с ним ближе сдружились, я его иногда в шутку называла: Тиран» [Там же: 166]. Прозвище *Тиран* встречается в письме Вяч. Иванова от

¹³ Он адресован Е. А. Ковалевой-Пельш, двоюродной сестре Шор. В семье Ивановых ее называли *Сеттер/Сетер*, *Собакой* или *Псом*. Один из ярких персонажей воображаемого мира «Пули».

¹⁴ Нельзя не отметить, что в словах «съезд» и «гостины» в этом контексте также ярко проступает их «внутренняя форма». См. другой пример: «Когда я *пригвоздил* к стене над своим письменным столом портрет Лидии...» (23.01.29).

13.05.28, написанном по его возвращении из Милана. В нем автор рассказывает о «милых путешественниках»: о Дон Л. Рибольди, Лидии и Диме, а также о том, что Рибольди «было поручено за пасти какой-то недостававший билет до *Tirano*». Топоним, обозначающий один из городов на итало-швейцарской границе, где бывал Иванов, — центральный в провинции Сандрино, сразу же вызывает в его памяти созвучное прозвище «*tiranno*». Как апеллатив это слово в итальянском словаре толкуется как 'тиран, деспот' [И-РС: 879], в русском — как 'жестокий правитель, действующий произволом, насилием, деспот', перен. 'тот, кто мучит, лишает спокойствия' [СУ IV: 709]. Никакого общего смысла у топонима *Tirano* и апеллатива *tiranno* нет. Наоборот, можно говорить о смысловом контрасте этих слов: упоминаемый итальянский город известен явлением *Madonna di Tirano* [LUI XXIII: 85]. В русской транскрипции прозвище *Тиран* употреблено в следующем абзаце, отнюдь не «тираническом» по содержанию: Тиран, как сообщает далее автор письма, «повлек всю компанию по тем же лестницам назад пить кофе, приговаривая, что он очень доволен видом (явно бодрящегося) Димы». Сообщая затем о том, что Рибольди ценит одного из докторов и директора Абетины выше, чем «коммерсанта» Морелли, Иванов тут же замечает, что это суждение, очевидно, нелицеприятно, так как «Морелли был в Совете отъявленным врагом нашего бывшего ректора, *Тирана*, коего и вытеснил». Последний контекст как бы удерживает «скрытые» смыслы прозвища: причастность Рибольди, бывшего до 1927 г. ректором Колледжио, к власти, его вовлеченность в борьбу за власть. Вместе с тем поражение Рибольди в этой борьбе и победа в ней «коммерсанта» Морелли «опрокидывают» главный смысл прозвища, «разоблачают» его онтологически, тем самым превращая его употребление в шутку.

«Именные» игры (выражение В. Н. Топорова) в письмах Вяч. Иванова, таким образом, тесно связаны как с его бытием, так и с отношением к нему: творческим, проникающим в суть и одновременно веселым. Смысловые и стилистические регистры «именаречения» оказываются при этом сложными и динамичными, связанными с традицией и свободными от нее, парадоксальными и неожиданными. Позиция Иванова по отношению к имени оказывается противоположной «деноминации» имени в русском языке, проводившейся после революции и включавшей механизмы «антисмысла», которые разлагали, как пишет об этом В. Н. Топоров, «и явно, и тайно — прежние смыслы, самое веру в осмысленность языка, жизни, в тот высший Смысл, который и делает жизнь бесценным даром» [Топоров 2005в: 383].

Языковая игра в письмах Иванова связана не только с именами, их смыслами, мифологией, включенностью в ритуал¹⁵. Языковое творчество, игра, шутка проявляются в неожиданных паронимических сближениях: «Благодарю Вас, дорогая, за продление паспорта — не египетского, не хетского, а хатского» (о советском паспорте, от «хата»), в использовании омонимии и многозначности слов, различий в смысле между соотносительными русским и итальянским словом. Например: «У нас работы: устраиваются души (не *anime*, а *docce*)», «Ликот... опять задерживаемый розысками военной „банды“ для проверочного исполнения своей партитуры»¹⁶.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 2002 — Аверинцев С. С. «Я же каюсь, гуторя...»: О юморе Вячеслава Иванова // *Иванов Вяч.* Творчество и судьба. М., 2002.
- Др-гр-РС — Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. Под ред. С. И. Соболевского. 1958. Т. 1–2.
- Дворецкий 1986 — Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1986.
- И-РС — Итальянско-русский словарь / Сост. Н. А. Скворцова, Б. Н. Майзель. М., 1963.
- Ожегов, Шведова 1992 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Иванов 1971, 1987 — *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Брюссель, 1971. Т. 1; 1987. Т. 4.
- Иванова 1992 — *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. М., 1992.
- Н-РС — Немецко-русский словарь / Под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Стреховой. М., 1964.
- РИА — Русско-итальянский архив. III. Салерно, 2001.

¹⁵ См. элементы ритуала в переписке: «О Фламинго, Фламинго! <...> Апантетически пожимаю протянутую <изображение птичьей ножки>» (Иванов, от 26.02.28), «В апантетической тоске благоговейно и нежно подымает ножку Фламинго» (Шор, от 10.02.28).

¹⁶ Игра связана с омонимией русских форм от *душа* и *душ*, различающихся в итальянском: *anime* 'душа' и *docce* 'душ', и с различием в значениях: многозначного итал. *banda* 'шайка' и 'духовный оркестр' [И-РС: 102] и русского *банда* 'группа людей, объединенных для какой-нибудь преступной деятельности' [Ожегов, Шведова 1992: 923]. Оба случая языковой игры отмечаются комментаторами переписки в [РИА].

- СУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940. Т. 4.
- Топоров 2005а — *Топоров В. Н.* Еще раз о некоторых теоретических аспектах этимологии // *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. М., 2005. Т. 1.
- Топоров 2005б — *Топоров В. Н.* Из теоретической ономотологии // *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. М., 2005. Т. 1.
- Топоров 2005в — *Топоров В. Н.* Имя как фактор культуры // *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. М., 2005. Т. 1.
- Ф-РС — Французско-русский словарь / Сост. проф. К. А. Ганшина. М., 1971.
- LUI — *Lessico Universale Italiano*. Roma, 1980. Т. XXIII.
- GDI — *Battaglia S.* Grande Dizionario della lingua Italiana. Torno, 1972. Т. V.